

О стилевом статусе церковно-религиозной речи

© В. П. МОСКВИН,
доктор филологических наук

В статье приводятся и анализируются факты, свидетельствующие о том, что церковно-религиозная речь неоднородна в функционально-стилистическом плане и в ряде своих жанров, которые считаются принадлежащими церковно-религиозному стилю, сближается с научным, художественным, публицистическим и официально-деловым стилями.

Ключевые слова: церковно-религиозная речь, стиль, дискурс, речевой жанр.

The data mentioned and analysed in the article indicate that religious speech is heterogeneous from the viewpoint of the functional stylistics, and it approaches the scientific, belletristic, publicistic, and official styles in the set of its genres, which are considered as belonging to the religious style.

Key words: religious speech, style, discourse, speech genre.

Нельзя не понять логику некоторых специалистов (например, О.А. Крыловой, М.Н. Кожинной и др.), представляющих церковно-религиозную речь как единый объект изучения и обучения. Вместе с тем в

функционально-стилистическом отношении данный объект не кажется вполне однородным. Сформулируем некоторые наши сомнения в виде ряда вопросов.

1. В церковно-религиозном стиле «выделяются такие речевые жанры, как поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь» [1. С. 15]. Можно ли признать функционально-стилевой статус проповеди вполне однозначным?

Сфера использования проповеди – публичная коммуникация, функция – влияние на убеждения и ценностные ориентиры аудитории. Целями проповеди как воздействующего жанра могут стать:

А. *Внушение религиозно-философских, моральных истин.* По нашим наблюдениям, проповедь данного целевого типа нередко принимает очертания богословского (а значит, научного в своей функционально-стилевой основе) дискурса. В этом случае проповедь может строиться по законам научного текста, т. е. с приведением фактов, подтверждающих выдвигаемый тезис, с активной аргументацией к авторитету, что влечет обильное цитирование:

«Сам Господь во Святом Евангелии неоднократно уверяет нас в бытии будущей загробной жизни: “Истинно, истинно говорю вам: наступает время, (...) когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут ... и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения” (Ин. 5, 25, 29). Святые Апостолы, имея твердую веру в будущую жизнь, все свои послания основывали на этой незыблемой вере. Святой Апостол Павел глагола: “Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... как мы носили образ перстного [Адама], будем носить и образ небесного [Адама] (Христа)” (1 Кор. 15, 22, 49). Наконец, есть и опытное доказательство действительного существования будущей жизни – явление душ умерших» (Архимандрит Кирилл Павлов. Проповедь «О достоверности будущей вечной загробной жизни»).

Для проповедей данного типа характерна такая яркая черта научного стиля, как использование описательных предикатов: *совершать молитву* (ср. *молиться*), *сотворить исцеление* (ср. *исцелить*); полипропозитивных конструкций – простых предложений, образованных путем свертывания сложных. Также типичны высокий удельный вес отглагольных и отадективных существительных; активизация категории среднего рода; экспансия формы родительного падежа: *бытие будущей загробной жизни, существование будущей жизни, явление души умерших*. Как и в научной речи, в проповедях этого типа большое внимание уделяется строгой доказательности утверждений, а значит, причинно-следственным связям, закономерностям исследуемого предмета:

«Не могут не обратить на себя нашего внимания слова из прочитанного Евангелия, сказанные Господом исцеленному расслабленному:

“Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже” (Ин. 5:14). Из этих слов видно, что между болезнью и грехом существует *самая наитеснейшая связь*. Пока первые люди не согрешили, *до тех пор* они были здоровы и телом и душой. А *после того*, как не смогли уберечь себя от греха, – *вслед за грехом последовали* и болезни. Это явление повторяется и сейчас, и *закон этой зависимости* будет в силе до скончания века. Всякое нарушение закона как в области телесной, так и в области нравственной *влечет за собой* расстройство природы нашей и непременно *сопровождается* болезнями. А *поэтому*, зная эту истину, будем всемерно избегать греха как *причины* разрушения нашей душевной и телесной природы» (Архимандрит Кирилл Павлов. Проповедь «О терпении»).

Давно замечено, что в начальный период своего становления «наука была тесно связана с религией, богословием и стилистически во многом подчинялась стилю церковных книг, проповедей» [2]. Как видим, связь проповеди с научным стилем имеет не только актуальный, но и генетический характер.

Вместе с тем регулярно используемая непрямая, образная, а зачастую и аллегорическая форма популярного преподнесения религиозно-философских и моральных истин зачастую приближает текст такой (богословской или философской по своему содержанию) проповеди к художественной речи, например:

«Сколько семян упало напрасно! Сколько было задушено бурьяном, сколько семян оказалось без корня! И только одно выросло на доброй почве и дало плод. Что это значит? Это значит, что Слово Божие, Дух Божий, сила Таинств, которые дает нам Церковь, – все это может оказаться напрасным и бесплодным. Потому что участь Божьего семени зависит также от того, на какую почву оно упало. Как бы ни была велика сила Слова Божьего, Его спасающей благодати, если мы с вами, наше сердце, наша душа, вся наша жизнь не будут готовы принять этот Божественный дар – все окажется бесполезным» (Протоиерей А. Мень. Проповеди по евангельским чтениям).

Б. *Агитация*. Если полагать, что критериями определения функционального стиля являются, во-первых, сфера его использования, во-вторых, основная функция, то с этой (типовой) точки зрения публицистический стиль есть разновидность литературного языка, используемая в сфере публичного общения в воздействующей функции. Соответственно, проповедь, используемая в агитационных целях, попадает в сферу действия публицистического стиля:

«Аще тако о высокой державе от Бога нам заповедуется, то каковыя вины извинят нас, аще кто державе не повинится дерзнет! И аще противится Богу самому противляйся влаstem строптивым и Бога не знающим, то кое воздадим слово, не просто противляющеся, но и большее

держающе на монарха благоверного и толико Россию пользовавшаго, яко от начала государства Всероссийского, еликаго могут обрестися истории, сему равного не покажут. Ибо понеже на двоих сих вся государственная должность висит, на гражданском, глаголю, и воинском деле» (Феофан Прокопович. Проповедь «Слово о власти и чести царской»).

Еще академик М.П. Алексеев (1896–1981), рассматривая процесс становления публицистического стиля Нового времени, подметил: «Духовная проповедь начала XVIII века прониклась *злостью дня* [курсив наш. – В. М.], превратившись по существу в публицистический литературный жанр» [3]. Эту же «злость дня» нередко наблюдаем и в современной проповеди:

«Греческое слово “кризис” на русский язык переводится как “суд”. Всякий кризис в жизни есть суд Божий, а суд Божий отделяет правду ото лжи, суд Божий обнажает человеческую неправду. И если сегодня экономический кризис, значит, этот суд обнаруживает некую глобальную человеческую неправду. Кризис начался не в нашей стране, мы сейчас только чувствуем его холодное прикосновение, но, тем не менее, должны знать, что это суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, над непомерным желанием иметь как можно больше, над потерей контроля над своим потреблением, суд над стремлением богачей любыми средствами, забывая, что подлинные ценности, в том числе и деньги, есть результат человеческого труда, а не финансовых схем и операций» (Митрополит Кирилл Гундяев. Рождественская проповедь. 2009. 7 янв.).

С учетом приведенных фактов проповедь целесообразно охарактеризовать как жанр публичной религиозной речи, который, в зависимости от целей адресанта, может приближаться к сферам действия научного, художественного, публицистического стилей. Это означает, что проповедь не вполне однородна в функционально-стилевом отношении.

2. Могут ли публицистический стиль и религиозная речь быть противопоставлены по шкале «высокое – сниженное»?

Существует мнение, согласно которому церковно-религиозный стиль «близок к публицистическому стилю, так как в нем язык используется в своей агитационной функции..., однако, в отличие от публицистики, здесь используются... слова и выражения, принадлежащие высокому стилю» [1. С. 15]. Однако для религиозного дискурса бывают характерны моменты *нарочитого снижения стиля*. В греческой риторике данная тактика именовалась *бáтосом* [*βάθος* «глубина»]:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Ночь, темнота, вокруг тишина. Земля спит под снежным убором и стужа, холод зимний сковали жизнь. Эта ночь и эта зима являют собой символ. Человечество в лице первого человека и в лице всех нас с вами выбрало путь в никуда. И *галопом и с гиком* бежит в это бездонное ни-

куда. Господь сотворил человека и жизнь. Бог не творил греха и смерти. Смерти не существует. Есть Бог, есть жизнь, есть радость, есть любовь. Но когда Адам избрал путь не с Богом, он не обрел смерть, он не обрел погибель, он не обрел бесцелие, бессмыслицу, он обрел нечто более худшее. Бог не творил смерть, но человек, отказавшись от Бога, источника жизни, впал в нежизнь. *Эх, умереть бы, вот была бы радость! Сдохнуть раз и навсегда, отмучиться от всего.* Но не получится, нет возможности. Господь сотворил нас бессмертными и, отрекаясь от Бога, мы впадаем в нежизнь» (Протоиерей Владимир Головин. Проповедь «Рождество Христово»).

3. Может ли религиозная речь приобретать ораторское звучание?

Если рассматривать ораторскую речь как агитационно-убеждающий тип публичной речи, то следует принять точку зрения Д.Н. Шмелева, который относит к публицистическому стилю «ораторскую речь, близкую ему по функции, а соответственно и по своему строению» [5]. Альтернативное мнение о том, что «ораторская форма речи неоднородна и тяготеет по ряду своих черт к тем функциональным стилям и соответствующим сферам, в которых она проявляется» [6. С. 132], как кажется, отождествляет ораторскую речь с публичной.

Если считать ораторскую речь видом публицистического стиля, то с этой точки зрения проповедь может быть охарактеризована как жанр, который в определенных ситуациях, например при разработке тем «на злобу дня» (М.П. Алексеев), может приобретать черты публицистической и даже ораторской речи. Такое сближение проповеди с ораторской речью нередко осуждается – видимо, потому, что духовные ценности нуждаются скорее в осторожном, ненавязчивом разъяснении (с использованием таких тактик косвенного поучения, как аллегория, хрия и др.), чем в прямой пропаганде и агитации. Именно поэтому как компонент проповеди часто используется хрия (*хрия* – в одном из пониманий: краткий и (в отличие от аллегории) семантически одноплановый рассказ о каком-либо происшествии, используемый с целью дидактического разъяснения, т. е. «суть хрии есть наставление (*διδασκαλία*)» [7]):

«Я помню, одна маленькая девочка из воскресной школы подошла ко мне и говорит: “Батюшка, я так хочу поститься, а мама с папой не разрешают. Говорят: молиться учись, в церковную школу ходи, но уродовать тело мы тебе не дадим. Благословите меня поститься”. Я ответил ей: “Доченька, что же будет тогда в семье? Нет, твой главный пост – почитать мать и отца и делать, как они говорят. Но я только спрошу, что ты больше всего любишь?” Она подумала и сказала: “Наверное, шоколадки”. – “Вот от них и удержишься постом”. Она вздохнула: “Весь пост без шоколадок, даже постных?” – “Да, да, моя радость, весь пост”. Вздохнула еще раз и, благословившись, понесла свой подвиг. И здесь было

немало для нее» (Протоиерей Владимир Головин. Проповедь «Великий пост строго проведем»).

Прислушаемся в этой связи к мнению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (1929–2008): «Любая проповедь должна отвечать на насущные проблемы духовной жизни, показывать, как в условиях современной жизни исполнять заповеди Божии. К сожалению, нередко проповедь превращается в ораторскую речь...» [8]. Впрочем, как показывает история, вряд ли священник может всегда и вполне быть отрешен от мирской суеты и злободневных тем, никак не проявляя свою гражданскую позицию. Вспомним в этой связи проповеди тех служителей церкви (протопопа Аввакума, Феофана Прокоповича и др.), которых принято именовать *церковными ораторами*.

Ораторская тональность может возникать и в жанре послания, например:

«Священное Писание учит нас: “Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит” (Мф. 12:3). Наш народ, измученный социальными и экономическими проблемами, ожидает от Церкви примера миролюбия, веротерпимости, внимания, доброты друг к другу. Мы единоклюбы в понимании необходимости совместно искать пути исцеления человеческой враждебности и предпринимать шаги к примирению, ибо так заповедал нам Господь наш Иисус Христос (2 Кор. 5:3-19). Искусственное противопоставление верующих одного вероисповедания, одной нации, кроме скорбей и вражды не принесет ничего и только навредит нашему общему миру» (Митрополит Киевский и всея Украины Владимир. Рождественское послание. 6.01.1994).

4. Каково отношение религиозной речи к художественному стилю?

Церковно-религиозный стиль определяется как «стиль церковных книг, проповедей священников, в частности, стиль русского перевода библейских книг», видом его считается агиографический стиль [9]. Между тем еще В.О. Ключевский отметил, что «жития древнерусских святых по своей литературной форме, установившейся к XVI веку, могут быть причислены к художественным назидательным» [10]. В.В. Виноградов также указывает на то, что «специфические свойства художественности речи обнаруживаются в таких жанрах, как жития святых» [11]. Чтобы убедиться в справедливости данного мнения, рассмотрим следующий текст:

«Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют кн. Голицына в соседнее село Бучалки, но увидела вещий сон. Еще не родившаяся дочь явилась Наталии во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон за знамение, богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребенка в приют» (Житие блаженной Матроны Московской).

В основе данного текста лежит *дескрипция* – фигура описания объекта (в данном случае – событийной цепочки) «путем перечисления реальных или выдуманых *наблюдаемых* [курсив наш. – В.М.] деталей» [12]. Видом дескрипции является прагматография [греч. *πράγμα* «действие», *γράφω* «описываю»] – описание события, видом прагматографии считается хрия. С помощью слов дескриптивной, т.е. «наблюдаемой», изобразительной и, в частности, конкретной семантики создаются *художественные образы*. Дескрипции сравнивают с *картинами*, писателя называют *художником слова*; эта же метафора лежит в основе терминов *художественная литература* и *художественная речь*; именно последняя наиболее ярко реализует изобразительную функцию языка. Эти же типовые свойства наблюдаем и в притче, представляющей собой аллегорическую, т.е. семантически двуплановую дескрипцию события.

Если обратиться к рассмотрению стиливого характера молитвы, то оказывается, что она: а) тяготеет к высокому стилю, поскольку обращена к Богу или святому; б) бывает эстетична по своей форме, регулярно использует изобразительные средства, что сближает ее с художественной речью:

«О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Демонов сокрушителю, запрети всем врагам, борющимся со мною, и сотвори их яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах перед лицом ветра.

О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Архистратиге, шестокрылый первый княже, воевода Небесных Сил – Херувим и Серафим и всех святых.

О, Угодный Михаиле Архангеле! Хранителю неизреченный, буди нам великий помощник во всех бедах, скорбях, в печалях, в пустынях, на распутьях, на реках и на морях тихое пристанище...» (Молитва Архангелу Михаилу).

Эстетичности формы (в частности, синтаксическую ритмизацию) здесь обеспечивают: а) изóколон – нагнетание соразмерных по длине синтаксических единиц (фраз и синтагм); б) гипозевксис в сочетании с библейским по своему происхождению, а значит, торжественным по своей тональности полисиндетоном на «и» (*и сотвори их яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах*); в) синтаксическая анафора (за счет повтора обращения); в) хиазм (*Архангеле Михаиле – Михаиле Архангеле*). Декоративность и изобразительность создают: а) эпитеты (*шестокрылый, тихое*); б) перифразы (*демонов сокрушителю, воевода Небесных Сил*); в) образные метафоры (*перед лицом ветра, тихое пристанище*); г) сравнения (*яко овцы, яко прах*) и др.

Если полагать, вслед за О.А. Крыловой, что функцией церковно-религиозного стиля является религиозно-просветительское, религиозно-пропагандистское и воспитательно-дидактическое воздействие [13], то молитву никак нельзя отнести к указанному стилю, поскольку она, по

верному наблюдению А.Д. Шмелева, «обладает совсем иным иллюкативным потенциалом» [14. С. 613].

5. Каково отношение религиозной речи к официально-деловому стилю?

Рассмотрим фрагмент текста, принадлежащего жанру монастырского устава: «В случае отлучки, болезни или смерти Настоятеля во временное отправление его обязанностей вступает Казначей монастыря, получающий в таких случаях наименование Заместителя Настоятеля монастыря». В данном примере налицо такие характерные приметы специальной (т. е. научной и официально-деловой) речи, как использование: а) описательных предикатов (ср.: *наименоваться Заместителем* → *получить наименование Заместителя*); б) полипропозитивных структур (ср.: *в случае, если Настоятель отлучится* → *в случае отлучки Настоятеля*). С этой точки зрения трактовка выражений, подобных рассмотренному нами, как принадлежащих «церковно-религиозному стилю» [15] не выглядит вполне убедительно.

А.Д. Шмелев справедливо указывает на то, что «богословские трактаты принято писать научным стилем», «бытовой разговор на религиозную тему ведется в значительной мере средствами разговорной речи», для «официальной документации церковного прихода» характерен официально-деловой стиль [14. С. 614]. Продолжим эту логическую цепочку: для жанра проповеди, в зависимости от ее целей, могут быть характерны научный, художественный либо публицистический и, в частности, ораторский стиль.

6. Не представляются вполне отточенными основополагающие формулировки, связанные с понятийным аппаратом церковно-религиозного стиля.

Так, О.А. Крылова называет среди жанров этого стиля проповедь, церковное послание, надгробное слово, исповедь, а далее указывает на такую черту данного стиля, как «обращенность к массовому адресату» [16. С. 184, 191]. Однако исповедь обращена не «к массовому адресату», а к Богу, священник выступает лишь свидетелем исповеди.

Высказывается также мнение о том, что «тексты, выдержанные в церковно-религиозном стиле, обращены к массовой аудитории, следовательно, представляют собой *публичную* [здесь и далее курсив наш. – В.М.] официальную речь, а *потому* церковно-религиозный стиль является книжным *функциональным стилем* кодифицированного литературного языка» [Там же. С. 614–615]. Однако из того факта, что церковно-религиозная речь публична, не вытекает (*non sequitur*) то, что она является «функциональным стилем», ибо в функциональном отношении публичная речь многостильна, т.е. может быть: а) научной (например, лекция как жанр академического красноречия); б) официально-деловой, в частности судебной (например, защитительная речь как жанр судебного красноречия); в) публицисти-

ческой (как, например, программа «Однако» с Мих. Леонтьевым) и т.д. Критерием принадлежности к функциональному стилю является, как уже было отмечено нами, не только сфера использования (например, «массовая аудитория»), но и функция. Так, для публицистического стиля, используемого в сфере публичной (в том числе и массовой) коммуникации, системообразующей является инфлюативная функция, в частности агитационное воздействие. С данной функцией вполне могут быть соотнесены проповедь и послание, но никак не исповедь.

М.Н. Кожина полагает, что понятия дискурса и функционального стиля «очень близки между собой», отмечая, что «постепенно происходит их сближение, иногда говорят о синонимичности этих направлений», а также указывая, со ссылкой на цитируемую нами далее статью Ю.С. Степанова, на то, что «введение термина-понятия *дискурс* [в начале 70-х гг. – В.М.] было связано с необходимостью заполнить отсутствие в англосаксонской традиции понятия “функциональный стиль”» [6. С. 191, 200]. Нельзя, однако, не согласиться с мыслью о том, что в современной науке о языке «дискурс не может быть сведен к стилю» [17], поскольку «функциональное единство и тематическое единство – это совсем не одно и то же» [14. С. 613], например:

«Дорогие братья и сестры [здесь и далее курсив наш. – В.М.], дорогие друзья, здравствуйте. В связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне, в связи с воспоминаниями, касающимися периода войны, в связи с последующими историческими дискуссиями, с тем, как война и Победа воспринимались в 90-е годы и в последние полтора десятилетия, в обществе и в контексте *внутрицерковной дискуссии* часто задается вопрос: а правильно ли воевали тогда советские люди, в том числе русские, украинцы, белорусы, за свою страну? Не нужно ли было отдаться на милость победителей, обратить оружие против *безбожной* советской власти и достичь большего единства с теми, кто тогда выступал против нас, – с гитлеровцами, или с теми, кто мог прийти им на смену после неизбежной кончины человеконенавистнического и поэтому непрочногитлеровского режима?» (Протоиерей В. Чаплин. Комментарий недели. Телеканал «Союз». 2015. 4 июня).

Лишь выделенные курсивом слова связывают данный образец ораторской прозы с тематической сферой религии. Если (в порядке стилистического эксперимента) их опустить, эта связь теряется. Если же произвести субституцию (*братья и сестры* → *колеги*; *внутрицерковной* → *текущей научной*; *безбожной* → *вынужденной*, в силу известных исторических причин, *принимать непопулярные решения*) и вложить эту речь в уста, к примеру, ученого (*протоиерей* → *академик*), то изменится не стиль, а его тематическая тональность.

Думается, что за трактовкой церковно-религиозной речи не как «тематического единства», а как функционального стиля стоит если не отождест-

вление, то нежелательное сближение понятий «дискурс» (религиозный, медицинский, военный, политический и др.) и «функциональный стиль».

Литература

1. Крысин Л.П. Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография. М., 2007. С. 15.
2. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М., 1976. С. 178.
3. Алексеев М.П. Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. М., 1980. С. 39.
4. Δημητρίου Φαληρέως περί Ἑρμηνείας. Glasgae, 1743. С. 7.
5. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 64.
6. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2010. С. 132.
7. Σχόλια εἰς τὰ τοῦ Ἀφθόνιου προγράμματα // Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus / Ed. Ch. Walz. Vol. II. Stuttgartiae et Tubingae, 1835. P. 585.
8. Алексей II. Церковь и духовное возрождение России. М., 2000. Т. 2. С. 81.
9. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили. М., 2015. С. 112, 115.
10. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 70.
11. Виноградов В.В. История русского литературного языка. М., 1978. С. 112.
12. Lausberg H. Handbook of literary rhetoric. Leiden, 1998. P. 359.
13. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 614.
14. Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007.
15. Мишланов В.А., Худякова Е.С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля // Филологические заметки. Т. 2. Пермь, 2008. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/45727212.pdf>
16. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Теория. М., 2006. Кн. 1.
17. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М., 1995. С. 41.

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
(ВГСПУ)